

*Моему сыну Родиону
в день восемнадцатилетия*

Не ищи в жизни подвигов,
они тебя сами найдут.

Ступенька стремительно приближалась к моей физиономии. Я слабо охнула и выставила руки перед собой (это единственное, что я могла сделать в данной ситуации), локти вывернулись в разные стороны, глаза сошлись у переносицы, а нос коснулся ступеньки лестницы, но без особого для меня ущерба. Я невнятно произнесла что-то в высшей степени неприличное и попробовала приподняться, уцепившись рукой за перила.

Подъем я осуществляла поэтапно и для начала села, вцепившись все в те же перила. Закрыв один глаз и прищулив другой, я смогла различить стену напротив с надписью на ней «Оля дура», а чуть ниже «Витя козел» и с тоской вздохнула: выходит, я еще в районе первого этажа. До квартиры оставалось два пролета. В моем теперешнем состоянии путь практически непреодолимый, однако ночевать на лестнице я тоже не могу. Надо собраться с силами и подняться.

Слабо постанывая и держась за перила, я поднялась, но тут же поняла, что это была плохая идея. Мое туловище независимо от меня начало вращаться, я выдала еще что-то неприличное и поспешно приземлилась на четвереньки. Туло-

вищу сразу стало легче, и голове тоже. Выбирать не приходилось, и я начала подъем, медленно переставляя руки и ноги и приговаривая:

— Ничего, глаза страшатся, руки делают... дойдем, должны дойти... — Таким образом я достигла лестничной клетки и ненадолго прилегла. Мысли начали путаться, клонило в сон, я сказала себе: — Позади Москва, отступить некуда. — Так обычно приговаривал папуля, открывая третью бутылку. Я подумала, что папуля прав: пьянство — это вам не фунт изюма, пьянство — это судьба, если хотите — крест, и его надо как-то нести, то есть доволочь хотя бы до своей квартиры.

Я вновь начала подъем, счастливо улыбаясь, потому что отсюда уже была видна дверь моей квартиры. Но тут над головой что-то хлопнуло, а буквально через секунду в нос мне уперлось что-то влажное и теплое. Я скосила глаза и увидела перед собой лохматую морду, слабо охнула, кто-то жалобно заскулил над самым моим ухом, и я сообразила, что передо мной соседский пес Келли. Я очень смутилась, потому что где Келли, там и его хозяин, Сашка Осипов, а являться его очам в том виде, в котором я пребывала в настоящий момент, мне очень не хотелось.

Слезы навернулись на глаза, когда я услышала Сашкин голос:

— Василиса, ты чего здесь? Потеряла что-нибудь?

— Ага, — жалобно кивнула я и мысленно прошипела: «Немедленно, слышишь, немедленно поднимись с четверенек...» Но не тут-то бы-

ло, я это поняла сразу, а Сашка чуть позднее. Он наклонился ко мне, присвистнул и заявил:

— Ничего себе... Ты где ж так нализалась?

— Юбилей, — пробормотала я, — двадцать пять лет...

— Тебе? — удивился он.

— Не-а, — отчаянно замотала я головой, потому что считала себя значительно моложе. — Подруге...

— Вот оно что... Чего ж не проводил никто?

— Проводил, — с третьей попытки произнесла я. — Он у подъезда лежит. Не наступи, когда будешь выходить.

— Понятно, — хихикнул Сашка и поднял меня, подхватив под локти. Я благодарно прильнула к его плечу и ненадолго затихла. — Давай потихоньку, подняла ножку, опустила... хорошо получается, — приговаривал Сашка, направляясь со мной к двери квартиры. Теперь на моих глазах выступили слезы благодарности.

Сашка мне нравился уже семь месяцев, до этого я обращала мало внимания на соседа, а тут как-то у него Келли заболел, и Сашка обратился ко мне, потому что я ветеринар. Я заглядывала к ним по вечерам сделать Келли укол, ну и с Сашкой чаю выпить, а потом он пригласил меня в ресторан, потому что деньги за лечение пса я брать отказывалась: мы ведь соседи, и к Келли я испытывала самые нежные чувства.

Вернувшись из ресторана, мы обнаружили возле Сашкиной двери рыжую девицу с очень злющим лицом. И хоть потом Сашка говорил, что рыжая — пройденный этап, к тому же не лю-

бит собак, но я не поверила и по вечерам к нему больше не заглядывала. Когда же сосед навелся ко мне, торопилась избавиться от него под любым благовидным предлогом, потому что неоднократно видела, как рыжая выходит из нашего подъезда. Я считала Сашку вруном и бабником, хотя он мне от этого меньше нравиться не перестал, но я сама себе рекомендовала держаться от него подальше. И держалась. И вдруг такая незадача: надо было нарваться на него, когда я в таком состоянии. И добро бы я этим делом злоупотребляла, ни-ни, я вообще пью редко и, как правило, только пиво, а сегодня я так отчаянно напилась исключительно из-за галлюцинаций. Галлюцинации начались где-то в середине вечера и потом уже не кончались, то есть не они не кончались, а мое скверное самочувствие и беспокойство.

Но лучше я все расскажу по порядку, чтоб было понятно. В общем, так. У моей подруги Людки Самохиной был день рождения. Само собой, она решила его отметить, ну и назвала гостей с три короба, но не к себе в квартиру, а в студию. Студия ее располагалась на первом этаже старинного дома в самом центре города, здесь когда-то жила Людкина бабушка. Бабушка умерла, квартира досталась моей подруге, она полома-ла все перегородки и устроила студию, потому что считала себя художником. Говорю «считала», оттого что живописью ее подвиг заняться мой папуля. Людка с самым серьезным видом по сию пору зовет его «учителем» и дважды в месяц вместе с ним медитирует, уходя в астрал, и подолгу

оттуда не возвращается, чем очень меня тревожит. Один придурок вот так однажды ушел, а назад не вернулся, где-то там заплутавшись. У папули были неприятности, не то чтобы серьезные, но все равно были. Позднее, правда, выяснилось, что дядька умер вовсе не от медитации, а от алкогольного отравления (попросту говоря, водка была «паленой»), но меня медитация с тех пор начала беспокоить. Я несколько раз намекала Людке, что она ей, по большому счету, ни к чему, раз пишет Людка исключительно цветы в горшках. Ей стоит быть ближе к природе, выезжать на пленэр и все такое, а не сидеть истуканом на коврике, закатив глаза. Людка меня не слушала и продолжала сидеть истуканом.

Раз в неделю я сопровождала ее в художественный салон, куда она сдавала свои полотна. Перед самым днем рождения мы заглядывали в салон раз пять, Людка работала как лошадь, только успевай картины в рамы вставлять, а раскупались они весьма неплохо. Во-первых, цветочки всегда выходили нарядными, во-вторых, рамки были красивыми, а в-третьих, просила за них Людка копейки, а широкой общественности нравятся незабудки на подоконнике. В общем, к моменту торжества на руках у Людки оказалась приличная сумма, и она решила разгуляться.

Народу в студию набился целый табун, что и неудивительно, художники — они ведь чокнутые, мне это доподлинно известно, раз у меня папуля художник. Пива было много, а водки и того больше, а из закуски только вобла; все очень быстро перезнакомились, и началось настоящее

веселье. Людка сунула мне стакан в руку, до середины наполненный водкой, и сурово сказала:

— До дна. За мое здоровье.

Меня перекосило от одной мысли, что все это придется выпить, но Людка смотрела на меня укоризненно и даже напомнила, как прошлым летом держала кота, когда я ему вытаскивала занозу. В общем, пришлось выпить. Людка торопливо протянула мне бутылку пива, шепнув:

— Запей.

Я запила, и после этого у меня начались видения. Я совершенно отчетливо увидела на диване возле окна папулю и, как примерная дочь, подошла поздороваться с ним.

— Привет, папа, — сказала я. Он не отозвался. Родитель мог в тот момент медитировать, ну, я и подошла к Людке, говорю: — Ты, оказывается, папулю пригласила?

А она мне:

— Приглашала, но учитель не пришел.

— Как не пришел, когда он на диване сидит?

— Где? — спрашивает Людка. Я тычу пальцем в диван, то есть в папулю, а подруга качает головой: — Там никого нет.

— Как это «никого»? — заволновалась я.

— А так, — ответила подруга и потопала к подоконнику, где стояла водка. Малость разволновавшись, я подхватила под руку какого-то парня и спросила, сидит кто-нибудь на диване или нет.

— Нет, — ответил он и был совершенно прав, потому что к тому моменту там действительно никто не сидел.

Я стала высматривать папу в толпе и волноваться все больше. За этим занятием меня застал Севка Матвеев, тоже художник. Выслушав мои сомнения, он загнул что-то насчет астральных тел, сунул мне стакан в руки и сказал:

— Выпей, полегчает.

Я повертела стакан в руке и выпила, но легче не стало. Папуля начал являться мне в толпе и тут же исчезать. То есть он плавно кружил по студии, но я за ним не попевала, а когда спрашивала о нем знакомых, мне дружно отвечали, что папули здесь нет. Я беспокоилась все больше и больше, а лекарство от беспокойства мне предлагали только одно. Где-то через пару часов, обнаруживая папу в толпе, я весело хихикала и подмигивала ему, а он скользил как тень, не реагируя на присутствующих, пока окончательно не исчез часам к десяти.

Я присела на подоконник и малость вздремнула, а открыв глаза, увидела возле подъезда милицейскую машину и забеспокоилась, хотя до одиннадцати времени было достаточно, а соседи Людки к шумным сборищам привыкли. Не успела я как следует осмыслить происходящее, как обнаружила рядом с собой парня лет двадцати восьми, очень приятной внешности. Пьян он был в меру, а улыбался так зазывно, что я с ходу поверила, когда он сказал:

— Я влюбился с первого взгляда.

И только уточнила:

— В кого?

— В тебя, естественно. Весь вечер глаз не свожу.

«Очень может быть», — подумала я. Занятая поисками в толпе папулиного астрального тела, я многое что могла пропустить.

— Потанцуем? — предложил он, и я кивнула. Парня звали Володя, он пришел с другом, а друг куда-то исчез. Лично меня это не удивило, раз папуля тоже исчез, точнее, и не появлялся даже, если верить Людке.

— Надо выпить за именинницу! — заорал кто-то, и я выпила, уже не сопротивляясь.

Потом мы только и делали, что пили за именинницу, перемежая это занятие танцами. С каждым разом водка вызывала у меня все меньше отвращения, а под конец я просто брала стакан из чьих-то рук и пила ее как воду. Правда, длилось это недолго. Очень скоро я оказалась на полу возле углового окна, рядом дремал Володя, пристроив голову на моем плече, и я подумала, что вечеринка удалась и пора отсюда сматываться. Но решить было гораздо легче, чем сделать. Я слабо шевельнулась и попыталась встать. Совершенно неожиданно мне на помощь пришел Володя, оказалось, он не только может встать сам, он еще умудрился поднять меня, и мы побрели к выходу, держась друг за друга. Тут подскочила Людка и проблеяла:

— На посошок...

И я, конечно, выпила, потому что поняла: сто грамм уже практически ничего не решат, а мой спутник, взяв стакан из Людкиных рук, принялся икать и икал так долго, что Людке надоело ждать и она ушла. Володя сунул стакан бредущему мимо нас парню с копной волос и серьгой в

ухе, величиной с куриное яйцо, мы наконец покинули студию и вскоре оказались на улице.

Тут выяснилось, что на вечеринку Володя прибыл на машине, она стояла в переулке. Я оказалась перед нелегким выбором: либо рискнуть и отправиться домой с подвыпившим водителем (Володя казался мне именно подвыпившим, потому что крепко держал меня за локоть и практически не раскачивался), либо идти пешком, потому что ни один таксист в здравом уме меня не повезет. Второй вариант казался мне гораздо опаснее первого, ведь ясно было, что до дома мне не дойти, это ж четыре троллейбусные остановки, а у меня хватит сил только-только добраться до угла.

Чем больше я смотрела на Володю, тем трезвее он мне казался; в общем, я согласно кивнула, и мы пошли к машине. Вскоре я смогла повалиться на заднее сиденье, благодарно икнула и затихла, а в себя пришла только возле своего дома, и то после того, как Володя потряс меня за плечо и прокричал на ухо:

— Василиса, это твой дом?

Пятнадцать минут мы потратили на выяснение данного обстоятельства. То мне казалось, что дом точно мой, то вдруг появлялись сомнения. Володя предложил спросить у кого-нибудь, вышел из машины, вынул меня, и мы направились к подъезду. Тут случилось непредвиденное. То есть я-то как раз могла бы это предвидеть, если б была в здравом рассудке, но здравым он не был, оттого про ступеньку я забыла, а Володя о ней, само собой, вовсе не знал. Он споткнулся,

пролетел немного по касательной и грохнулся в трех шагах от подъезда, тюкнувшись головой о ту самую ступеньку, но с другой стороны, и жалобно застонал.

Я нашла его на ощупь и заплакала, а он попросил:

— Помоги встать.

Я очень хотела помочь ему, но не могла. Тогда он попросил воды. Я пообещала достать и с этой целью вошла в подъезд, с намерением быстро подняться в квартиру и взять минералки. А еще лучше — прихватить Юрасика, ежели тот еще не успел набраться до такой степени, что уже не может ходить, вместе с ним вернуться за Володей и оказать ему необходимую помощь.

Планы у меня были наполеоновские, но на пути их осуществления встала лестница, то есть она не вставала, она здесь была всегда, раз живу я на втором этаже. На преодоление нескольких ступенек я потратила столько сил, что начала забывать, куда и зачем я так тороплюсь, а потом встретила Сашку. Мое желание выглядеть трезвее, чем я была, сыграло злую шутку, на симуляцию вертикального положения при ходьбе ушли последние силы, облик Володи, отчаянно нуждавшегося в помощи, отступил, затем начал стремительно удаляться все дальше и дальше, пока окончательно не исчез из моего сознания.

Между тем мы с Сашкой под жалобное поскуливание Келли (пес сочувствовал мне изо всех сил) достигли моей двери, и Сашка спросил:

— Ключи есть?

— Нет, — коротко ответила я.

— Как нет? А где они?

Я невнятно что-то промычала. Сашка собрался нажать кнопку звонка, но тут я толкнула плечом дверь, и она распахнулась. Я с облегчением вздохнула, потому что Варвара не любит, когда ее будят по ночам, а то, что сейчас ночь, было совершенно ясно, хотя я и затруднялась ответить почему.

В общем, я влетела в квартиру, Сашка вошел вслед за мной. Келли залаял, так как я нечаянно наступила ему на лапу, Варвара проснулась и зычно крикнула:

— Да когда вы прекратите безобразничать?

Мы в ужасе замерли и к моей комнате уже пробирались на цыпочках. Келли вообще выскочил из квартиры и ждал на пороге, потому что здорово боялся Варвару.

Ключ от моей комнаты лежал под ковриком, Сашка, прислонив меня к стене, достал его, открыл дверь и поволок мое бесчувственное тело к софе. Увидев ее, я в последнем проблеске сознания радостно хихикнула, потому что поняла: я достигла тихой пристани, теперь на окружающее можно не реагировать. Сашка стал раздевать меня, приговаривая:

— Ох, как плохо тебе будет завтра...

А я ответила:

— Мне и сегодня плохо... — Окончательно отключилась и должна была бы беспробудно спать до утра, но выпитое пиво этого не позволило. Пришлось просыпаться. Я в отчаянии застонала, нащупала рукой колокольчик, дернула за него, и над моей головой включилось бра, а я